

ВЯЧЕСЛАВ МОИСЕЕВ

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Сорокапятка

ВЯЧЕСЛАВ МОИСЕЕВ

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Сорокапятка

ОРЕНБУРГ
2007

УДК 822 (470.56)

М 74

ББК 84 (2Рос=Рус) 6 (253.55)

**Автор искренне благодарит
за помощь в выпуске этой книги
генерального директора
ОАО «Орбрегионинвестхолдинг»
Александра Ивановича Зеленцова
и председателя правления акционерного
коммерческого банка «Форштадт»
Зою Васильевну Музыка**

В книгу вошли 45 стихотворений, отобранных автором к своему 45-летию. Здесь и юношеские, студенческие, армейские стихи, и размышления о предназначении человека, и посвящения родным людям, друзьям. Отдельные стихи - дань уважения учителям автора: Пушкину, Ван Вэю, Аполлинеру. Часть стихотворений уже публиковалась в сборниках Вячеслава Моисеева «Предлог» и «Тропы свободы», часть видит свет впервые.

Вячеслав Моисеев. Естественный отбор. Стихи.

Оренбург: Типография ОГИМ, 2007. - 60 с.

© Вячеслав Моисеев, стихи, 2007 г.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Искренность и искусность. Их нередко воспринимают альтернативой друг другу. Или - или. Мол, искренность простодушна, а искусность отдает искусственностью. Меж тем в поэзии одно без другого едва ли состоятельно. Частным и честным тому подтверждением - эта книга.

Если искать составившим ее стихам образный аналог, уместно повторить название одного из вошедших в эту подборку стихотворений - «Апельсиновое деревце в банке из-под зеленого горошка». Название пусть не самое лапидарное, зато выразительное и, главное, точное. А то, что при этом, конечно же, вспоминается та роза, что цвела в аналогичной таре из-под импортного пива, так подобное ауканье с Окуджавой автором и предполагалось. Как принципиально значимое. Пусть голос Вячеслава Моисеева и не звучит под гитарный перебор (по крайней мере, вдали от Оренбурга), но ему свойственна та же домашняя доверительность, которая так располагает к себе в песенках «арбатского муравья».

Поэзия держится интонацией. И стихи на книжной странице в состоянии передать не только речевую манеру их создателя, но и его тембр, его дыхание. Автор «Естественного отбора» не нуждается в восклицательных знаках - на всю книжницу их всего пять или шесть. А вот вопросительные встречаются куда чаще. Причем спрашивает поэт не других - себя. Не всегда, само собой, зная ответ. Но и стихи-то ведь и для того пишутся, чтобы пригласить к размышлению, возникающему из взаимопонимания.

Искусность этих стихов тоже себя не афиширует. Но поставленная легкость авторской руки дает о себе знать разнообразием ритмических узоров, красноречивостью деталей, пластичностью метафор, емкостью парадоксов, наконец, уживчивостью строк, разделяемых порой десятилетиями. Причем иной раз из такого соседства возникает смысловое наращивание, едва ли предполагаемое каждым текстом в отдельности. Достаточ-

но, скажем, после стихов «Я никогда не буду в Риме...» (с отчетливым опять-таки в них эхом - на сей раз мандельштамовского «Я не увижу знаменитой «Федры») перечитать предстоящее им стихотворение.

А еще обратим внимание, как мастерски здесь на одних страницах живописные полотна становятся стихами (подобный «перевод» называется экфразисом), а на других стихотворные строки обнаруживают изобразительную убедительность картины или этюда. Или как несколько строф «Аполлинера» способны в содержательной емкости соперничать с монографическим очерком.

Может, правда, показаться, что в небольшой этой книжечке слишком много имен - и признанных персон, и, не исключено, соседей автора по подъезду. Но общительное слово Моисеева сближает людей, невзирая на их статус и пропуску в пространстве и времени. Восток и Запад сходятся на этих страницах, как совмещаются они берегами реки, на которой вырос родной для стихотворца город. Нет на Земле чужого солнца. Как нет чужой беды и чужой радости.

Не испрашивая у мира милости к себе, Вячеслав Моисеев, как убеждают его стихи, вершит свое одиночное жизненное плавание.

В нынешней отечественной невнятице несуетное слово достойно быть услышанным.

Леонид Быков,
доктор филологических наук,
профессор.
Екатеринбург

* * *

*Я жил в том городе, где падает жара
На короба бетонные с утра,
Где в октябре ложится первый снег
И лишь в апреле снова рек разбег*

*Свершается. И с утренней зари
К окну летят синицы, снегирь,
И просят хлеба - только снег в лесу.
Я их спасу, конечно же, спасу,*

*Насыплю хлебных крошек за окно,
Позавтракаю с ними заодно.
Стучи, синица, клювом мне в стекло,*

*Покуда время вспять не потекло,
Пока на город падает жара -
А может, снег. Не разобрать с утра.
2006*

* * *

Запах старого вина
Снова голову туманит,
Нас хмельным застольем манит,
Где мы все - семья одна.

Оторвемся от беды,
Снова встретимся с друзьями,
И сочувствие, как знамя,
Осенит разгульный дым.

Ну а выпьем все до дна -
Распрощаемся сердечно,
Но тревожить будет вечно
Запах старого вина.

1982

ПОДРАЖАНИЯ ВАН ВЭЮ

I.

Вот и кончилась осень
С теплом и багряной листвой.
Я смотрю из окна - вся земля
Хоть на ноготь покрыта водой.

Ливень, падавший с неба,
Как будто раскромсан ножом,
Превратился в озера,
Моросящие мелким дождем.

1979

II.

Сергею Хомутову

Снова пишу стихи
В час четырех стихий.
Форму хотел бы взять
У друга Пэй Ди опять.

Право, не все ль равно,
В чьи чаши разлить вино -
Цвел бы наш сад вокруг
Да веселился мой друг.

1992

III.

Валерию Лукину

У заводи лес расступился,
Горлица в гости нас кличет
И вьюн вокруг деревьев обвился -
Обнял бы всех без различья.

Но друг мой еще в постели,
Сомкнуты плотно ресницы.
Ему в лепестковой метели
Персик сегодня снится.
1999

ГЛЯДЯ НА ГОРУ ТАДИТАШАНЬ, ВСПОМИНАЮ ВАН ВЭЯ И ПЭЙ ДИ

Едва первый снег закружится,
Мне скажут, что время пришло,
И надо опять учиться -
Военное ждет ремесло.

А ровно через полгода
Поеду один, налегке,
Навстречу новым невзгодам
К темной воде Мулинхэ.

За мною замкнут ворота
В сырую туманную рань -
И как не бывало года
Под сопкой Тадиташань!

Но добрый секрет мне ведом:
Всего в трех тысячах ли
Отсюда Пэй Ди с Ван Вэем
Глядят на озеро И,

К ложине Мэнчен пройдутся,
Взойдут на холм Хуацзы...
Лишь за год подметки сотрутся
Моих сапог из кирзы.

2005

* * *

Не будет никакой войны,
Придет неизреченный миг,
Звонящий мертвой тишиной.
На горизонте вспыхнет пламя,
И будет кончено с войной,
Которая покончит с нами.

1980

ТЫЛ

А на войне отца в тот день убили,
Перечеркнула кровь седой висок...
Его мальчишки ёршиков удили
И складывали рыбу на песок.

Его жена весь день топила баню,
Покуда выпал редкий выходной,
Чтоб вымыть пацанов и бабу Таню,
А после всласть попариться одной.

И лишь на миг, подняв немой рукою
Ведро, в котором прыгала вода,
Она вдруг замерла, поняв с тоскою,
Что завершилось все и навсегда.

1981

БРЕЙГЕЛЬ

Погляди: вскипает битва,
Солнце золотом исходит.

Брейгель. Это «Engelsturz»*.
Сладким бредом наплывают,
Извиваясь, реки чудищ,
Хлынувших из ада. Брейгель.
Ангел мой прорезал воздух,
Ангел третий, меч разящий.
Брейгель. Рыбьими руками,
Брюхом встретил гибель монстр.
Или он не бредил вовсе,
Все писал с натуры Брейгель?

Крылья дышат за спиною.
Страшно двери отворить.

1981

---

* «Пикирующие ангелы»,
картина Питера Брейгеля-старшего.

ИЗ АПОЛЛИНЕРА

По мотивам цикла

«В тюрьме «Сантэ»

Здесь медленно, зловеще и звеняще
Бредут часы,
Ступают -
Как будто мертвеца укладывают в ящик
И за-
сыпают.
Ты, как на погребении, заплачешь -
Пробьет
Час плакать.
Но даже он, гремя оброненною сдачей,
Уйдет,
Как кот
На чутких лапах.
1982

* * *

Аполлинер - полынь и полынья,
Подрезанные знаки препинанья
И нервы, поле, линия жнивья
Вдоль троп его рифмованного знания.
Уносит Сена мертвую любовь:
Мари - в гордыню и Анни - в Техас.
Гийом на фронте, юность в небесах,
Он без любви свободен подыхать,
С виска седого отирая кровь...
Версалем завершилась перепалка,
И что ему останется теперь?
За рыжею француженкой испанка
Шмыгнула в дверь...

2001

ЭТЮД

Дай пейзаж сказал мне Рильке
Дай пейзаж и скажешь все
А что спрятано в бутылке
От страданий не спасет

Но к источнику припавши
Оторваться не могу
И мерещатся мне башни
Ночью сданные врагу

Вижу утреннюю реку
И сосну на берегу
Понимаю как нелепо
Город отдан был врагу

Изумрудные поляны
И пурпурные стога
Десять тысяч кровью пьяных
Устилают берега

Что еще найду в бутылке
Что источник принесет
Дай пейзаж сказал мне Рильке
Дай пейзаж и скажешь все
1983

В ГОСТИ К БАБУШКЕ

Мотор во тьме урчит негромко,
Срезают фары ночь пластом,
Через шоссе бежит поземка
Лисой с распушенным хвостом.

Дорога в латах гололеда
Машину вертит на спине,
Как будто нас в стакане кто-то
Гоняет ложкою на дне.

И вдруг «УАЗ» подбитой птицей
Рванулся к черной полосе,
Но все ж сумел остановиться
У края скользкого шоссе -

Баранку в сторону заноса
Отец сурово крутанул,
Чтоб наш «УАЗ» курносый носом
В буранной мгле не утонул.

А через час во тьме кромешной
Мелькает надпись «Оренбург».

Ждет дома бабушка, конечно,
И суп на печке берегут.

За стол садятся все колечком,
Галдят, смеются и жуют,
И душу греют суп и печка,
И скромный бабушкин уют.

И лишь отец душой болеет
И ночью видит сон о том,
Как наш «УАЗ» один белеет
Во тьме и выюге за окном.
1983

СУББОТНИЙ ПОЛДЕНЬ В ФОРШТАДТЕ

Солнце бредит тепловым угаром белого света.
В зимний полдень крыши старых домишек
окрашены белым.

Это цвет расчетливой солнечной
энергии,
вырывающейся из недр милого белого шара,
энергии,
летающей сквозь консервированную черноту,
энергии,
врезающей голубое покрывало Земли -
атмосферу.

Бабушки греют старые кости у печек.
Мужики, не ставшие казаками, пьют самогон
цвета солнечной энергии

«для аппетита» -
пока женщины накрывают на стол:
щи со свиной, хлеб за 13 копеек, блины и чай
с конфетами «дунькина радость»,
слипшимися в комок.

Их дети, что постарше, возле белого
палисадника скребут по карманам в поисках

завалывшейся мелочи, чтобы скинуться с друзьями
на пузырь «вермихалны».

Другие идут в кинотеатр «Урал», прихватив с собой
девушек и семечек.

Мальшня укатывает задами ледяные горки,
протирая штаны и пальто,
разбивая носы,
простужаясь.

Вечером солнце чуть слышно гудит,
опускаясь на крыши.

В нем открывается маленький люк,
зеленый человечек топчется на срезе, щурится,
озирая переулки и дымящиеся трубы,
сплевывает на снег, задраивает люк.

Солнце поплыло дальше, цепляя крыши.

Никто ничего не увидел, потому что никто
не поднимал головы в эти несколько секунд.

Да и что увидишь, глядя на солнце?

Разве что слезы в собственных глазах.

1983

ПОСВЯЩЕНИЕ ЧЕ ГЕВАРЕ

Иду один по той стране,
Где чаще плачут, чем смеются,
И долгим эхом отдаются
Проклятья, брошенные мне.

Я поднял меч - остановить
Потоки слез и реки крови
И ничего не видел, кроме
Голов, что должен был срубить.

И я рубил, что было сил,
И не считал себя героем,
И вновь текли потоки крови,
И ветер стоны разносил.

Мечу разить уже невмочь,
Я поглядел на поле битвы:
Лежали, кровию увиты,
Отец и сын, и мать, и дочь...

Мне лег на плечи алы́й шелк,
Звала на трон чужая свита,
Но, света божия не взвидя,
Я бросил меч и прочь пошел.
1983-98

ФИЛОСОФЫ

I.

На Советской, возле углового,
Сыплют млечным светом фонари.
Старый алкоголик Хряпин Вова
Чутко в сумку ставит пузыри.

Корефан его Толян Степанов,
С головой навроде колуна,
Прячет в слишком узкий зев кармана
Краденый цилиндрик стакана.

Вот уж восемь вечера пробило,
Магазин закроется теперь.
Все, что в этот день погибший было,
Поглощает «Аромат степей».

И за этим рвотным ароматом,
Простирая прозорливый взгляд,
Алкаши с чудесно стройным матом
Все вопросы мира разрешат.

Доползли до бабкиной конурки
И теперь в обнимочку храпят

Два несостоявшиеся урки -
Сорок восемь лет и пятьдесят.
1983

II. SILENTIUM

Петру Новохатскому

Матерые философы молчат,
Отведав слова сказанного яд,
И в кухонных кубикулах своих
Заваривают странно крепкий чай.
А то во двор, где клен да молочай,
Выходят пообщаться на троих.

Они не пишут очумелых книг,
Хоть рядом с ними бы и киник сник,
Но после объективного «привет»
К субъекту обращаются: «Давай».
Субъект ломает теплый каравай
И водку достает на белый свет.

Так между кленом, пнем и молочаем
Философов мы каждый день встречаем
И мимо их умелого молчанья
Спешим.

Они за это нас прощают.

1999

* * *

Светофоры красят осень
Вспышками огня,
Буйный ветер листья косит
На исходе дня.
Люди зонтики раскрыли
И теперь несут
Недоразвитые крылья
На всеобщий суд.
Полетать хотят, понятно,
Облака позлить,
Да не очень-то приятно
В мокрым небе плыть.
Вот и крылья не раскрыли
Люди до конца
И спешат под мокрой пылью
Дождика-скупца...
Если завтра выйдет все же
Солнце к нам блистать,
То минут пятнадцать можно
Будет полетать.

1984

НА ОЗЕРЕ

Осколок зеркала лежит в густой траве,
Он в полдень отражает бездну неба
И облака, и солнца щедрый свет,
А в полночь - мирозданья быль и небыль.

Во тьме над непокрытой головой
Кулик свою испытывает флейту,
В нее два раза гукнет и долой -
Летит навстречу завтрашнему лету.

Все стихло. Каждый зверь в своем дому.
Шаги слышны далеко в перелеске.
А лодка на ночь отдана тому,
Кто равнодушен к поплавку и леске.

Пльву - и две морщины за спиной.
Неужто зеркало во тьме мне корчит рожи?
Нет, это, брат, улыбка, и со мной
Улыбкой этой мирозданье схоже.

1985

МАМА

К тебе приходили чужие люди,
Пили вино, хлебом твоим заедали,
Сыр овечий терзали на блюде.
Кивали: «Видали».

«Мы ему, - говорили, - не судьи.
Только дойдет до ушей Пилата -
Что он прикажет тогда своим людям
В бронзовых латах?».

Через полгода увидишь ты сына.
В Кану, на свадьбу, где будет гостить он,
Тебя привезут фарисеи - из сытых,
Маститых.

Скажешь ты: «Может, вернешься, сынок?».
Он поглядит - кареглазый, упрямый,
Возле твоих опустится ног:
«Я не могу. Прости меня, мама».

1985

ДЕЖУРНЫЙ ПО ДИВИЗИОНУ

Что скажешь, когда ни строкой не ответит,
Письма не напишет твой друг,
Когда за окном только бешеный ветер
На сто километров вокруг?

Свинцовое небо дождем оборвется,
Но тяжесть не снимет с души,
И в черную ночь, словно в жерло колодца,
Захочется крикнуть: «Пиши!».

Но ты только шапку поглубже надвинешь,
Поправишь привычно штык-нож,
Менять часового продрогшего выйдешь
В холодный, бессмысленный дождь.

Вернешься в тепло и подумаешь трезво,
Устало валясь на кровать:
«Не пишет? Ну что ж - он забывчивый с детства.
А в общем-то, мне наплевать».

Возьмешь себе чая горячего кружку,
И если не хочется спать,
То книгу Ремарка про верную дружбу
Заставишь себя дочитать.

1986

КАРТОН, МАСЛО, 19x29 CM

Юрию Морозову

Дом, сарай во дворике,
Собачечка бежит.
В этом синем домике
Мечтали мы пожить.

Думали, уедем мы,
Примемся за труд,
А враги, уедены,
Сами перемрут.

Только в жизни грянувшей
Сны одни легки,
Мы повсюду втянуты -
Не поднять руки.

А деревня дальняя
Нас уже не ждет,
И задумка давняя
Никого не жжет.

Лишь на стенке синие
Краски всё цветут:
Дом под крышей в инее,
Маленький этюд.

1987

МАРРАКЕШ

Не уйти от одиночества
И от смерти не спастись.
Подскажите имя-отчество
Друга, пьющего пастис.
Он худой и бородатенький,
Держит с вызовом стакан,
И хотя вполне поддатенький,
Но, конечно, не алкан.
Марокканской ночью скромником
В Касабланку он звонит,
Переводит двум любовникам,
Продает чужой «Зенит».
Но, устав от жизни бешеной
И дежурства по полку,
Душу видит он подвешенной
На веревке к потолку.
Он мечтал об одиночестве,
Но играет смерть зорю.
Одному идти не хочется -
Может, вас уговорю?
1990

АЛЕППО

М.

В Алеппо шел дождь.
До любви оставалось
Семь пьяных недель.
А в глазах круговерть
Кафе и мечетей,
Базаров и лавок,
И ливень, слепой
И жестокий, как смерть.
Без счета святынь
И без меры арака,
Туристская тупость,
Куда ни взгляни.
А там, в Оренбурге,
Мрачней от брака,
Ждала меня женщина.
Боже, храни!..
А ливень хлестал,
И упругие струи
Бичами секли
По лицу и плечам.
А я задахылся
От тяжести сбруи

Неясного долга
И пил по ночам.
Мне не было в мире
Любви, лишь усталость,
Хоть голос надежды
Звенел сквозь галдеж.
Семь долгих недель
До любви оставалось.
Однажды весною
В Алеппо шел дождь.
1991

ГЛИНА

«Или, Или, лама савахфани?»

Евангелие от Матфея

Когда зеленые долины
Укроет легкий белый снег,
Господь возьмет пригоршню глины,
Её повертит в пальцах длинных,
И выйдет новый человек.

От рук Господних белой степью
Уйдет с улыбкой на лице.
Не знает он, незримой цепью
К кому прикован на столетье,
И не помыслит о Творце.

Но на исходе срока глина
Рассохнется, и каждый шаг
Его теперь по острым клиньям.
Он оглянется и воскликнет:
«Отец, отец, подай мне знак!».

И небеса обрушат ливень.

1993-2004

* * *

Вновь вопросы:
Зря? Не зря?
А как будто:
Был? Иль не был?
Ты, в себя устало зря,
Спрашиваешь город, небо,
Речку, облако, холмы -
Жизни первые вершины:
Для чего явились мы -
Неужели беспричинно?
Город дышит, речка спит,
По холмам, как холод ночи,
Тень от облака скользит.
Отвечать никто не хочет.
1994

91, 93

Когда суровая толпа
Пришла вернуть народу власть,
Колосс расшатанный упал,
Его эпоха прервалась.
Отпраздновав победу всласть,
Уснула пьяная страна.
И встала, отряхнувшись, власть -
Не может умереть она.

Когда суровая толпа
Пришла под стены власти вновь,
Струхнул колосс, но не упал
И отворил пришедшим кровь.
Бессмертна сумрачная власть,
Она едва сменила масть
И вот опять ведет вперед
Почивший в августе народ.

1994

* * *

Я никогда не буду в Риме
И не увижу, как руины
В тысячелетнем пыльном гриме
Переполняются куриным
Пустым квохтанием туристским.
Я не люблю кладбищ преславных,
Не для меня имперский римский
Орел, хотя и одноглавый.
Я сам живу в полуголодной
Империи на грани краха,
В большой стране у кромки страха,
И гунны вроде в дверь колотят,
И все не в строку, все неладно.
Я никогда не буду в Риме,
Управиться бы со своими
Непоправимыми делами...
1997

РОДИНЕ

Я тебя люблю и ненавижу -
Может, даже чаще, чем люблю.
Отчего же в Лондоне, в Париже
Бога о любви твоей молю?

Родина, любовь моя, Россия,
Что за черт в моей душе сидит?
Если б ты однажды попросила,
Чтобы за тебя я был убит,

Я башку подставил бы под пули,
Я бы легким сердцем лег на нож,
Только бы Россию не согнули,
Только матушку мою не трожь.
1998

* * *

Все темнее вечера,
Все печальнее открытья:
То, чем жили мы вчера,
Нынче свиньи жрут в корыте.

Так, пятак уткнув в пятак,
Поедают день вчерашний.
Нам же, купленным за так,
Вместо шпаги дали рашпиль.

Торцевать и шлифовать -
Это ль не предназначенье?
(Не ругать, не блефовать,
Не булгачить подбоченясь.)

Боже, Боже, где же, где
Та свобода, что нам снилась?
Семя сгнило в борозде,
Или к ночи тьма сгустилась?
1998

СОNET № 37

Мне тридцать семь! Дожился сукин кот...
А нет бы вышло все наоборот:
Мне двести лет, сроднился я с могилой,
А тот певец, неведомый, но милый,

Лишь первый сборник издает.
И спонсор врет ему: «Вот-вот
На счет издательства придет
Наш меценатский перевод...».

А Пушкин верит! Он пальто берет,
Из пачки добывает сигарету.
Опять ноябрь, а он так любит лето -

Плевать на пыль, да комаров, да мух...
На службе нужно быть не позже двух,
А на дворе ужасный гололед.

1999

БЕЛЫЙ ХЛЕБ

Иногда печется белый хлеб.
Правда, редко, но бывает все же
Белая пшеничная мука
В тесной, маленькой моей пекарне.

Русских ямбов корочки ржаные,
Кренделя сонетов и терцин,
Нежное китайское печенье,
Чей рецепт мне сообщил Ван Вэй, -

Это все умею и люблю я.
Но порой выходит белый хлеб,
Белый стих, как долгий разговор
С другом за столом на кухне ночью...

А когда пшеничная мука
Кончится, родительный падеж
Сообщит печально: «Нету хлеба».
Ничего, срифмуется в конце
Небо.

1999

БАЛЛАДА О МОЕМ АНГЕЛЕ

М.

Я не верил, что ангелы могут заваривать чай,
И уверен был я, что они не рожают детей,
Но теперь вечерами звоню: «Выезжаю, встречай»,
А приеду - мой ангел мне борщ подогрел на плите.

Я хотел бы дарить ей каменья, меха и шелка,
Я готов ей купить все плоды, что земля нам дала,
И хоть каждую ночь с ней в Париже
каштаны щелкать,
Ничего, что зарплата для этого слишком мала...

День за днем за окном то ли пыль, то ли зной,
то ли хмарь,
Но унынье не в силах теперь переполнить мой век,
И когда к нам приходит опять лебединый январь,
Покупаю цветы и несую сквозь танцующий снег.

В этом мире, где каждый из нас слишком часто один,
Есть мой ангел, мне вечную жизнь подарила она:
На меня, словно в старое зеркало, смотрит мой сын,
Твой подарок, мой ангел, в день белого ангела нам.

1999-2000

МЕТРОПОЛИТЕН

День настал, спустился я под землю -
Слушать голоса и вечный гул,
Гладить лиц потерянную зелень.
Горячо из черных врат дохнул

Змей людских ошибок и терзаний,
Налетел со свистом и пожрал
Все, что я у этой жизни занял,
Что принес в пылающей вокзал

Преданной души. Летела сажа.
Бог меня, конечно же, накажет,
Может быть, уже и наказал.
2000

СИВКА

Баба с воза упала,
Легче кобыле стало.
Вроде и не устала,
Просто все надоело.

Сбруя бока натерла,
Сено не лезет в горло,
Словом, жизнь не поперла.
Ей бы другое дело -

Ей бы в сечу аллюром
Или в поля с каурым!..
Только она не дура,
Все она понимает:

Крыльев нет меж лопаток,
Век лошадиный краток,
Надо дожить остаток,
Надо его домаять.

Надо о ближних помнить -
Мы же все-таки кони...
Баба, вставай, поедем!
Дома мужик и дети,
В люльке - твой ребяенок,
В стойле - мой жеребенок.
2000

* * *

Сыну Вячеславу

Стихи, бывает, и не пишутся,
И не случаются никак.
Но все, что слышится, чем дышится,
Как видно, вовсе не пустяк.
Пройдет ли ветер над вершинами
Или проломит купол крон -
Не нам ли думать над причинами,
Не нам ли восполнять урон?
Так значит, собирайся с силою,
Не спрашивай: «Когда умру?»,
Пока Господь не свел с могилою,
Стой, словно сосны на ветру...
Однажды мальчику прохожему
Покажет Бузулукский бор
Ту тропку, что тобой проложена,
Нехоженую с этих пор.
А может, прежде чем меж сосен ляжешь,
Тропинку мальчику ты сам покажешь?»
2002

* * *

Дочери Юлии

Мы травы соседних лесов,
Но ягоды разных болот,
Где слышу я уханье сов,
Тебе соловей пропоет.

Ты поутру выпорхнешь в сад,
Где воздух то зноен, то стыл -
Мне желтые листья летят,
Тебе расстелились цветы.

У двери в изменчивый мир
Мы встретились не навсегда,
Ты только выходишь из тьмы,
А я возвращаюсь туда.

Но сколько бы ни было дней
В твоём удивленном саду,
Меня ты окликнуть сумей,
И где бы я ни был - приду.
2002

РОМАНС «ПИШИ ПРОПАЛО»

Октябрьский полдень, ясный, как стекло,
До снегопадов дней осталось мало,
И осень дарит нам последнее тепло,
Которого мне так недоставало.

Сегодня солнце всем ветрам назло
Сияет в небесах не в полнакала,
И осень дарит мне последнее тепло
Для сердца, что так часто застывало.

Трепещет лист, как бабочки крыло,
Что летним днем над нами пролетала,
И осень дарит мне последнее тепло.
Ты для меня тепла не отыскала.

Пока бураном даль не замело,
Пока дурное сердце не устало,
И осень дарит нам последнее тепло,
Забудь меня и напиши: «пропало».

2002

АПЕЛЬСИНОВОЕ ДЕРЕВЦЕ В БАНКЕ ИЗ-ПОД ЗЕЛЕНОГО ГОРОШКА

«А может быть, и не было меня?»

Эдмунд Шклярский

Апельсины в детстве были редкостью.
В мячик с черным ромбиком «Марок»
Я ногтями впился, чистил бережно,
Солнце я на дольки делил...
А потом набрал земли в жестянку,
Где когда-то был горошек «Глобус»,
Солнечную косточку зарыл.
Я хотел, чтоб стало больше света
В наших пасмурных семидесятых
И чтоб дома были апельсины.
Стебель скоро вымахал на метр,
И сказала мама: пересадим,
Только вряд ли он перезимует,
Больно уж у нас суровый климат...
И однажды я пришел из школы,
А венгерской банки с апельсином
Нет на месте. Это был сентябрь.
Говорят родители: на дачу
Мы твой апельсин пересадили.
Я весной искал его на даче,
Все шесть наших соток я облазил.

Ничего похожего. Как сгинул.
Видно, зайцы за зиму сглодали.

Жизнь порой мне кажется обрывком
Чьей-то мысли, меньше, чем шесть соток,
Где я все ищу несчастный прутик,
В банке на беду себе взошедший,
А в кустах сидит грызун ушастый,
Новых ждет идей и созиданий,
Надо мной по-заячьи смеется,
Если он и вправду есть на свете.
В этом надо чётко разобраться:
Может, не живут на дачах зайцы,
Может, прутик вовсе и не вырос,
Может, косточку и не сажал я,
Может, мне приснились апельсины,
Венгрия не слала нам горошек,
Может, нет такой страны - Марокко,
Может быть, и не было меня?

2003

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Великого путешественника снова тянет куда-то.
Он запасается провиантом, он назначает дату
отплытия в неизвестном направленьё
из родимой гавани.

Нет команды на корабле, это будет
совсем одиночное плаванье.

Путешественник поднимает парус, спрашивая себя,
зачем ему это надо,
если он уже объездил полмира, получил все награды,
и цель жизни достигнута множество раз?
Но при этом хитрый отблеск чужого солнца плещется
на дне его глаз.

И вот уже земли не видать ни сзади, ни спереди,
ни по бокам,

путешественник закрепляет штурвал
и дает отдохнуть рукам,
но никак не может отдохнуть головой -
каждую минуту в нее стучатся гости,
хоть морским волком вой.

Вот мысль о третьей стороне медали
за спасение ничего не подозревающих народов:
если ты их открыл, будь добр, дели с ними
тяготы и невзгоды,

а не можешь - назначь им генерал-губернатора
или вице-короля
и отправляйся куда хочешь и кричи, сколько хочешь:
«Земля!».

Но путешественник, хоть и знаком с губернатором
и пару раз видал в гробу короля,
всё же в одиночном плаванье, и нет у него ни рубля
на организацию колонии наигуманнейшего режима.
Он думает: «Боже, ведь это уму непостижимо -
я не знаю, зачем плаваю, для чего открываю

новые страны!
Если это никому не нужно, то разве, Боже,
это не странно?».

Небеса молчали, ветер крепчал,
сумерки черной вуалью
накрывали корабль, океан, дальнюю даль
и все, что за этой далью.

Внезапно корабль толкнуло, киль заскрипел,
будто его драил рашпиль,
путешественника протащило по палубе
и ударило головою о брашпиль.

Утром, очнувшись от боли и желанья поестъ
чего-нибудь острого,

Путешественник увидел, что корабль торчит
на рифах у острова.

Здесь росло все - от инжира до плодов
со вкусом чебурека,

но путешественник не нашел на острове
ни единого человека.
Так разрешились его сомнения,
такая случилась отставка и пенсия.
Он живет в тепле и покое.
Лишь порою
слеза соскользнет по щеке,
и тогда над райским островом слышна заунывная песня
о замерзшем в буранной степи ямщике.
2004

К МУЗЕ

Каждый день - Непрядва и Полтава,
Ежечасно - битва с дураками,
Разведенная в мозгах отрава
Нашими же душил нас руками.

Надо позабыть о сожаленьях,
Надо жить сегодняшней заботой,
Надо разобраться с вечной ленью
И работать до восьмого пота,

Чтоб нужда у дома не гуляла,
Чтоб не опуститься ниже планки,
За которой только стыд провала,
За которой только смерть от пьянки...

Но лишь отсверкает день шутихой,
Суету пустую озаривши,
Сяду я один на кухне тихой
За свои покинутые вирши.

В полчаса не зародиться теме,
Рифме в пять минут не появиться.
Я пойду, неся усталость в теле,
Спать, себя почувствовав убийцей.

Перед сном ко мне приходит Муза.
Добрая, меня ты уболтала:
«Будут вместо прений заскорузлых
У тебя «Задонщина», «Полтава»...».

Муза, дорогая, я же знаю:
Завтра - под Полтаву, на Непрядву!..
Муза, извини, я засыпаю,
Милая, спасибо за неправду.
2004

СТЕБЕЛЬ, ЛИСТ, ЦВЕТОК

1. Чилига

Холода отступают. К маю
Выйдешь в степь - расцветает всё.
Одного я не понимаю -
Для кого чилижник цветет?

Эта маленькая акация,
Что на веники режет народ,
Словно непокоренная нация,
Тоже соки пускает в ход.

Ни особой красы, ни грации,
Стебли жилистые пучком.
Но степная цветет акация,
И пред нею упасть ничком

И молиться явлению Божьему
В этом неукротимом цвету
Я хочу. И не стыдно пройдем
Поклониться родному кусту.

На метёлки порежь меня, Господи,
Повяжи крепкой волей, Творец,
Только дай у степного погоста мне
Цвeсть упрямой чилигой твоей.
2004-05

2. Карагач

Памяти Замира Кузахметова

У меня под окном карагач -
Как застывший зелёный взрыв.
Хочешь, осень, со мной поплачь,
Можешь даже дождем навзрыд.

А у неба в глазах песок,
Синих звезд опрокинутый мир,
В нем красиво и холодно всё.
Там, наверно, теперь Замир.

Безыдейным - дорога вниз,
Но идеям потерян счет.
Вроде строили мы коммунизм,
А построили черт знает что.

Невозможно совсем без вер,
И молитву читает мулла,

Чтоб душа полетела вверх,
Вот такие, Замир, дела.

У меня карагач под окном,
Он до снега не сбросит лист,
И я думаю всё об одном:
Он такой же идеалист,

Как бывали и мы с тобой,
Слепо веря в добро и свет.
Только мир этот вечно живой,
А тебя, Замир, уже нет.

...Осень дивная - светлым днем
Так тепло, что хоть настезь дверь.
Что ж ты, осень, не плачешь о нем?
Иль, как я, ты не веришь в смерть?

2005

3. Репей

Сергею Салдаеву

Нет никого. Над пустотою
Стою усталый и простой.
Быть может, я чего-то стою...
Но если стоишь, значит, стой,

Не ной, не жалуйся, не клянчи
У мира милости к себе,

Свой воз тяни с упорством клячи,
Что знает цену и судьбе,

И миру, и пустому возу,
И простоте, и темноте,
Куда уходят все обозы.

А почестям и суете
Цена - взамен надгробной розы
Репей у клячи на хвосте.

2005

ИСКРЕННОСТЬ

Я не знаю, зачем я пишу, если чувства не выразить,
Сколько ни вороши двести тыщ засловаренных слов.
Начинаешь писать - получается глупо и выспренне,
И качает Господь головою поверх
безразличных голов.

Я не знаю, зачем я пишу, если правды не высказать,
Если жизнь такова, что стихи о ней лучше бы сжечь!..
Да, быть может, затем, что Ему-то нужна только
искренность,
И однажды огонь над стихами застынет,
как медная жечь.

2004

Содержание

Об этой книге	3
«Я жил в том городе, где падает жара...»	5
«Запах старого вина...»	6
Подражания Ван Вэю	
I. «Вот и кончилась осень...»	7
II. «Снова пишу стихи...»	7
III. «У заводи лес расступился...»	8
Глядя на гору Тадиташань, вспоминаю Ван Вэя и Пэй Ди	8
«Не будет никакой войны...»	10
Тыл	11
Брейгель	12
Из Аполлинера	13
«Аполлинер - польнь и польнья...»	14
Этюд	15
В гости к бабушке	16
Субботний полдень в Форштадте	18
Посвящение Че Геваре	20
Философы	
I. «На Советской, возле уголовного...»	22
II. Silentium	23
«Светофоры красят осень...»	24
На озере	25
Мама	26
Дежурный по дивизиону	27

Картон, масло, 19x29 см	28
Марракеш	29
Алеппо	30
Глина	32
«Вновь вопросы...»	33
91, 93	34
«Я никогда не буду в Риме...»	35
Родине	36
«Все темнее вечера...»	37
Сонет № 37	38
Белый хлеб	39
Баллада о моем ангеле	40
Метрополитен	41
Сивка	42
«Стихи, бывает, и не пишутся...»	43
«Мы травы соседних лесов...»	44
Романс «Пиши пропало»	45
Апельсиновое деревце в банке из-под зеленого горошка	46
Путешественник	48
К Музе	51
Стебель, лист, цветок	
1. Чилига	53
2. Карагач	54
3. Репей	55
Искренность	57

Вячеслав Геннадьевич Моисеев
Естественный отбор

Корректор Л.К. Моисеева
Верстка - Д.В. Безлюднев
Оформление - С.В. Ячменев
Фото О.А. Рукавицына

Подписано в печать 15.04.2007 г. Формат 60x84 1/34.
Бумага офсетная. Гарнитура AcademyC. Печать цифровая.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Оренбургского государственного института менеджмента:
460038, Оренбург, ул. Волгоградская, 16.

ВЯЧЕСЛАВ МОИСЕЕВ

родился в 1962 году в Оренбурге, окончил факультет иностранных языков Оренбургского пединститута, служил в армии, работал пресс-секретарем губернатора, главным редактором газет «Оренбуржье», «Оренбургский курьер», «Оренбургский университет», информагентства «Априори». Сейчас - руководитель бюро «Российской газеты» в Оренбурге. Стихи и проза публиковались в местной и московской периодике, альманахах «Башня» (Оренбург), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Врата Сибири» (Тюмень), «Под часами» (Смоленск), журнале «Урал». Выпустил сборники стихов и переводов «Предлог» (1998) и «Тропы свободы» (2002), книгу прозы «Теплые руки/Кольцо в стене» (2003), повесть-сказку «В поисках Живой воды» (в соавторстве с Сергеем Хомутовым, 2006). Член Союза российских писателей, с 2000 года - председатель Оренбургского регионального отделения СРП. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка (2004), дважды лауреат открытого Евразийского конкурса переводчиков (2003, 2004).